

щих мест в утраченном труде основателя арабской научной прозы Ибн ал-Мукаффы (720–757 гг.), восходящего в своих известиях на среднеперсидском языке. Основываясь на том, что в двух главах о торках сочинения Гардизи речь идет о карлуках во главе с йабугом, VIII в., К. Цегеди датирует время записи сообщений именно этим временем [Czegledi, 1984, с. 260–261, 267]. Возможно, это не совсем точно. В написании термина *خالعىان* (халухи “карлуки”) в оксфордском (издании В. В. Бартольда) и тегеранском (изданое Хабиби, 1968 г.; им пользовался для английского перевода А. П. Мартинец) списках допущена неточность: диакретическая точка поставлена над третьей буквой, а не под ней. Следует писать и читать *خالدىان* халаджи “халачи”. Тюркский *halas*/*alaç* восходит к *ala* “пестрый”, “смеянный”. Справедливость коррекции тут же поясняется омонимическими пояснением в духе народной этимологии: “Магъ *Халача* сидела на лошади (*сугур*)”, т. е. на спине (любого) животного, прирученного к седлу и вьюку. В тюркских языках слова “спина” и “лошадь” обозначаются словами *алача*, *аласи* [Севорян, 1974, с. 136]. Подобная манера использована Махмудом Капгарским при пояснении слова *калач*. Он пишет, в частности: “Пришли два человека из числа калаачей с ношами *на спине*” [МКМ, III, с. 421–422].

Термин *йабагу* лишьозвучен с титулом карлукских властителей *йабу* “предводитель”. Знающий по-торкски информант омонимически поясняет здесь этот термин использованным выше методом. Он пишет: “Один из людей хакана нашел его в месте охоты, в суровой местности, прикрытою двумя кустами *войлок*; он дал ему имя *Йабагу*”. Судя по такому объяснению, народно-этимологически слово *йабагу* восходит одновременно к *йапык* (и варианты) “широкий плащ из войлока” и *йабаку* “сбитый ввойлок волос” [ЭСТА, 1989, с. 128, 129]. *Йабагу* – название тюркского племени со значением “поклоняющиеся богу йаба/йама”.

Таким образом, доводы в пользу датировки текста о кимаках восьмым столетием значительно ослабеваают: карлуки не упоминаются вообще.

Между тем, приведенное выше китайское известие о юемеках относится к середине VII в. К тому же времени относится и внедрение в Степи танского титула *турук* “главноуправляющий” (кит. С3498, 2777 дуду <tuuo-tuok> <торк. tutuq>), вызванное поражением каганата Се-яньюто в 647 г. в результате многолетней засухи, массовой гибели людей и наступления танского войска. За этим последовало районирование всей Степи на танский лад и дача предводителям значимых племен или их родственных групп титула-должности *турук*. Приведу еще два примера: может быть, они окажутся состоятельными и приобретут вес в этой ситуации. В начале VII в. карлуки переместились в районы на юго-западе от Алтая, в горах Дода, в долине реки Путучэн. Это были прежние земли се-яньюто (?), ушедших на восток. По мнению И. Эчеди, горы Дода – это Тарбагатай [Ecsedy, 1980, с. 26]. Транскрипция С7029 дода <ta-lat определено отражает исходное татар. На востоке основным районом проживания се-яньюто были благодатные земли к югу от реки Заяйлонь (Кюлюн, Керулен), впадающей в одноименное озеро-море (Далаи-нор). Это были традиционно татарские земли. Если эти факты действительно имели значение, то появляется возможность сопоставить “начальника татар” с последним каганом се-яньюто и датировать переселение кимеков с востока в долину Иртыша временем непосредственно после падения каганата Се-яньюто. Это тем более возможно потому, что титул-должность *иад* (это не имя!) “командующий войсками”, “сю-бashi” [Ögel, 1963] свойствен исключительно объединениям государственного уровня.

Названия племен *или* и *имек* восходят к эпонимам *Ими* и *Имек* и параллельны парам *Йама* и его супруга *Йами* в Индии и *Йима* и его супруга *Йимак* в Иране. В данном случае на смену кровосмесительному браку приходит два брата с обязательной для близнецового мифа враждой между ними [Штернберг, 1936].

Имек и есть Шад. Но Имек не полностью брат и мужчина. Рядом с ним в кимекском предании активно присутствует другой персонаж – канизак “любимая молодая служанка”, которая в главных эпизодах затмевает его и становится супругой-хатун. Она как бы сестра-супруга в мужском обличье.

В уйгурской сказке семиглавая драконтина Яльмюнгюз пьет кровь из пяток Махтум Суле, они становятся единокровными. В кимекском предании *некан* – не просто крокодил, хотя такое значение в персидском языке является основным. Это водяной дракон, вадыка реки. Он хватает хатун, уносит в свою стихию, и она становится волосом. Но волос это не только вестник жены, это символ дракона вод, волосатого повелителя подводного царства. Примеров тому много. Ограничимся тюркскими. У ряда народов существо, повелевающее водами, рисуется в образе чудовища, узбеков Хорезма его называли Сочили-ата (или Чочили-ата “Волосатый покровитель”), в Южном Казахстане – Убю; у османских турок водяной выглядит “страшилицем, обросшим волосами с головы до ног” [Снесарев, 1969, с. 327]. В одной из версий ногайского эпоса “Едигей” фигурирует связанный с водными источниками Шашлы Аэиз “Волосатый Святой” [Жирмунский, 1973, с. 148, 182; 1960, с. 42, 107, 170; Турунов, 1973, с. 176].

Он мог иметь облик большой рыбы (например, усатого сома)

и обладал чертами тотема (онгона), о котором Рашид ад-Дин писал: “Обычай таков, что на сделанного онгоном какого-либо племени, так как его назначают ради доброго предназначения и благополучия, не нападают [на него], не причиняют притеснений и мясо его не едят” [Рашид ад-Дин, 1965, с. 115]. Очевидно, предупреждение и запрет употребления в пищу имел в виду ал-Идриси, когда сообщал, что в реке кимеков водится рыба санджа, яд которой убивает в одно мгновение [Кумеков, 1972, с. 25]. Китайский автор юаньской эпохи Чжоу Чжицикун в “Описании чужих краев” писал о татарах, что у них в обычae не есть рыбу лой [Июй чжи, гл. 1, с. 7]. Лой/лу – это древнетюркское

название дракона. Австрийское слово *aži* “Змей”, “Дракон” с тюркским оформлением множественного числа *ажилар* “Змеи”, “Драконы” стало названием кимекского племени в списке Гардизи, *ئەزىز* (в тексте *ئەزىز*) *اچىلار*. Его монгольской “калькой” в устье Керуlena в XIII в. было название *усуту манут* “речные мангуты”, причем *манут* – это также множественная форма слова *манус* “дракон”. Это чудовище-людоед. Иногда он рисуется в образе семиглавого вампира (ср.: образ семиглавой Яльмюнгюз, сосудшей кровь Махтум Суле в уйгурской сказке). В одном из средневековых арабских сочинений говорится, что арабы называют дракона *тинни*, тюрки – *лу*, а монголы – *могур*. Исследователи единодушно корректируют последнее название и читают *тачус* [Segnus, 1982, с. 480]. Их сопоставляют с чудовищами-ракиасами древнеиндийской мифологии [Там же, с. 481]. Этих демонов-людоедов создал Праородитель; они родились из его стоп, грозные и неодолимые создания, которых Браhma предназначил быть хранителями первозданных вод [Эрман, Темкин, 1975, с. 76].

Ими – название кимекского племени, эпоним и имя бога. Племя или утомлено только в списке Гардизи и исключительно для того, чтобы назвать Ими в паре с Имек и тем подчеркнуть их связь с божественными близнецами. Имя бога Ими отложилось в названии верховий Иртыша/Эмин. На востоке, за Большим Хинганом, кимеки жили в долине реки Аргунь, которая в верхнем течении называется Хайлар. Главный приток Хайлара называется Эмин (а также Эбин, Ибэн), а изначальным его названием было Ими [Ван Говэй, 1959, с. 682, 683, 707, 709; Позднеев, 1897, с. 95]. Кимек – общее обозначение ими и имеков; самостоятельный, конкретного племени кимек не существовало. И. Маркварт предложил тюркскую этимологию этого термина (*kimäk*<*iki imäk “два имека”), отвергнутую в одной из работ В. В. Бартольда [Marquart, 1920, с. 293–296]. Тем не менее, это шаг к прояснению семантики термина. Индийский термин *јамá* и австрийский *јёта* восходят к индо-

европейскому *q`емо “близнецы”, “пара близнецов” [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 778]. Вьше отмечались топонимы Кымы (Киме?) и *Киме (кит. 錢陰 *<kiəm-pjwei>*) в местах вероятного проживания восточных кимеков /имеков. Это слово с тюркским формантом собирательности -k (*<kimäk>*) могло быть тюркским эквивалентом названного ряда.

По поводу двух братьев-родональников уже говорилось. В информационных восточных кимеках идея парности присутствует постоянно. Приведем отрывок из персидской версии “Огуз-наме” в изложении Рашид ад-Дина: “После того, как Диб-Явкуй-хан пробыл несколько лет падишахом, с ним стал враждовать Ад-ни-к мам (Лактан) – авт.), и жители этой страны вышли из повиновения. Вилает этот находился в восточной стороне и назывался он Йемекан (Йемеки). Это были люди такой недолжинной силы, что двух их мужчин можно было выставить против десятерых мужчин из других племен. У этого племени существовал обычай бить в барабаны во время восхода солнца” [Цукюрова, 1987, с. 69]. В одном из пяти рапортов документа 1283 тибетской коллекции Г. Гельо приведен мифологизованный рассказ о путешествии двух человек (из имеков). За пустынной цепью песка (т. е. гор), говорится в нем, в царстве Иама-каана (*Ža-ta-kha-gan*) обитали два племени. Когда его государство стало процветать, он повел войско в ту страну, но двое человека сбились с пути и пришли к стаду верблюдов (кит. С2280, 12032 лото *<lák-ta>* “верлюд”; ср.: название племени лакта, лактан) у места, богатого водой. Здесь они увидели девушку, ставшую им проводницей и изъяснявшуюся с ними на тюркском (*drugu*) языке и знаками. Она привела их к стае псов и, приветствуя, поклонилась им. Они погрузили на верблюдов все необходимое. Эти двое вернулись к тюркам (*drugu*). А то были не простые собаки, а сошедшие с неба Красная собака Кызыл-кушу (*Ge-zir-gu-çu*) и Черная собака Карап-кушу (*Ga-ra-gu-çu*) (ср. имя собств. и титул *Qış-tutuq*: КТб, 41) [Басот, 1956, с. 147].

Явно исказженное название кимекского племени в списке Гардизи *لەپەزىز* находит аналогию в отмеченном *لەك-تەن* [иначе: Minorsky, 1937, с. 304, прим.]. Его транскрипционные китайские эквиваленты: С2288, 18 лотань *<lâk-tân>*; С2280, 12032 лото *<lâk-ta>*. Использованным вариантом последнего написания является внешне сходное С2280, 973 лоңзү. Упоминаемая Рашид ад-Дином область (вилает) Лактан расположалась к востоку от Далай-нора по левому берегу реки Аргунь: “Река (Шидзянь, Аргунь) вытекает из озера Шэйлунь (Кюлюн, Далай-нор) и течет на восток. К югу от реки проживает племя С9583, 13300 мэнва (надо: С9583, 12508 мэнъу *<tung-nguat>* *<münggüt>*), а к северу от нее племя лотань” [Оуян Сю, гл. 219, с. 1540, л. 7а]. Имеется ряд сообщений о поздравительных визитах кимеков-лактанов в Чанъань, свидетельствующих о политической значимости этого племени. Другой информации они не содержат.

Название *münggüt* – монгольское (киданьское) *münggi*/*müngü* “серебро” + монгольский формант множественного числа -t. Это монгосы “серебренники”. Слово *münggi*/*müngü* здесь было калькой тюркского *kümüs*/*χümüs* (кит. хумусы) и тюхарских *-arki* (диалект А) и *-arkoi* (диалект В; “серебро” ср. ток.-турк. аркуй-татар, аркай-булак; Аргунь/Эргене ~ ток. *-arkin* “серебряный”, “белый”). Эти формы применительно к обозначению одних и тех же объектов сосуществовали вплоть до ХIII в. и объясняются особенностями этноязыковой ситуации в данном регионе, о чем говорилось в параграфе о кыпчаках. Повторим характеристику этого региона в труде Рашид ад-Дина: “Повсюду там серебро”. В его времена и, вероятно, задолго до них она называлась Монгю. Среди лиц, имеющих отношение к этой области “Сокровенное сказание Монголов” упоминает деятеля по имени Мюнгтюр [Rouscha, 1956, с. 93].

Хэйчэцзы

Почти все упоминания о племени “чернотележников” -хэйчэцзы в период киданьского государства Ляо (907–1125 гг.) в Маньчжурии и Внутренней Монголии характеризуют их как часть разноэтнической конфедерации Шивэй, отчего они чаще всего в источниках фигурируют под названием хэйчэцзы-шивэй. При становлении киданьского государства хэйчэцзы были одним из ближайших и основных объектов его внешнеполитической экспансии. Только в 907 г. киданьский двор трижды предпринимал военные (“карательные”) действия против хэйчэцзы и сумел “привести в подданство” зависимые от них “восемь фамилий” [Тото, гл. 1, с. 16, л. 2а]. Через год кидань снова воевали с хэйчэцзы [Там же, л. 3б], а в 939 г. хэйчэцзы одарили киданьский двор “знаками выдающихся коней” [Там же, гл. 4, с. 31, л. 16].

Подобные подарки поступали от них в 940, 944 и 945 гг. [Там же, лл. 5б, 10б, 12а]. В “Истории династии Ляо” приведено название Княжеское управление Хэйчэцзы-Шивэй [Там же, гл. 4б, с. 254, л. 266]. В другом месте той же летописи дано их характеристика: “Хэйчэцзы – это владение, а название они получили оттого, что искусно мастерили юрты на телегах. Предки киданей всегда отправляли к ним людей учиться этому ремеслу” [Там же, гл. 11б, с. 514, л. 3а]. Возможно, эта характеристика-аббревиатура из чуть более пространного текста в записках китайца Ху Цзяо, бывшего в плена у киданей в 947–953 гг.: “К северу от киданей живут хэйчэцзы, искусные в изготовлении юрт на телегах. Те люди знают почитания родителей. Земли у них бедные и ничего не производят. Рассказывают, что предки киданей обычно охраняли земли уйгуров, но потом покинули их и бежали к хэйчэцзы. От них-то и начались делать юрты на телегах” [Юян Сю, 1958, гл. 73, с. 450, л. 9б].

Приведенный материал свидетельствует также о заимствовании данного типа повозки из Канцзюя соседями. Для них эта повозка была канцзюйской. Начальный звук d- в слове dih мог

звучать как греческий –δ (ср. имя предводителя на Северном Кавказе Каδох) и отражать -l. Поэтому Kang-dih/Kanga-dih на тюркской языковой почве, кроме отмеченного *Kankatu, было канхоли-*khang-ut-jī*-Qanyalı-*каналы*, каналы. Так по-турецки назывался Канцзой. Так же называлась и повозка. В санскритско-турецких текстах санскритские слова s`akata “экипаж” и rath “колесница” всегда передавались словом qanqul [Clouston, 1965, с. 164; Cabain, 1952, с. 8].

Хронологически первое упоминание о племени канглы (в форме qaga qanqul) относится к области За Хинганом. Оно содержится в одном из донесений цитированного уйгуро-тибетского документа в № 1283 тибетского собрания Г. Пельо. На севере от племени царя За-та kha-gan (Йама-кагана), говорится в нем, живет великан ростом в три сажени. Солнечный (т. е. южный: ср. владения бога Йама на юге) склон его долины таков же, как и у соседних государей. Враги не решаются нападать на него, потому что он не подчиняется законам смерти. По этой причине у него нет ни памятников, ни захоронений. В той стране много диких животных. Когда кыргызы (Hir-ris) отправили к нему посланника, последний застал гоняющимся за собакой, которую тот привязал к дереву, намериваясь повесить (ср. аркан и петля как главные аксессуары бога Йамы). На недоуменный вопрос, зачем он это делает, великан ответил: “Если я, Кара канлыг (Ga-ga-gang-lig), сам пасу быков и баранов, то зачем же мне ее служба?” [Bacot, 1956, с. 146, 152]. Отметим, что в киданьском языке собака обозначалась словом hyop [Kwaerne, 1980], а в китайской транскрипции сивэн (<wei-wei). Сивэн были четвертым племенем в составе восемьмилененного государства киданей. Следовательно, в цитированном документе отражен некий эпизод напряженных отношений с киданями. В уйгурском варианте “Огуз-наме” происхождение термина канлы связано с победой над государством Джурджит, т. е. чжурчженьями [Цербак, 1959, с. 52–53].

К тому же заключению приводит анализ состава племен, участвовавших в создании телеги-канглы в одном из этногенетических сказаний каракалпаков, которое приведем:

...*Конграт* нашел одну отглобю,
Мангыт нашел другую отглобю.

Все остальные деревянные части

Поручено было найти другим;

Тогда *Канглы* стал мастерить.

Стула, прикрепляя, он сделал арбу,

А Шуййт чеку (шуй) вложил,

Оттого стал называться *Шуййт*...

[Жданко, 1960, с. 80].

Важен этногенетический состав предания (конграт, мангыт, шуййт) и ранние известия о местожительстве названных племен. Название *мангыт*~*мангут* восходит к мангус, или усуту мангус. Это прямые наследники имек-татарских аджаларов, иначе называвшихся кюлюн-огузами (кит. кулуң угү). Они

ковчевали в бассейне озера Кюлюн/Кёлюн (Далайнор), о чем говорилось выше.

Термин *конграт* (ранние варианты: онгырат, контурат) воспринимается монгольским оформлением (аффикс мн. ч. -t) тюркского слова *чопуг* “рыжий”, “красноватый”. Наряду с татарским *чопуг* зарегистрирован хотанским документом *Х* в. в государстве ганьчжоуских югуров в составе звания *чопуг ара ѿгэ* [Bailey, 1949, с. 49]. В “киданьской” форме *онгырат* (кит. ванчээла) это племя упоминается под 1125 г. среди участников

курултая представителей кочевых племен, оказавшего поддержку каракалпакскому гурхану Елюй Даши в его самоизгнании в Семиречье [Тото, гл. 30, с. 135, л. 46; гл. 69, с. 375, л. 246]. В противоположность ранним собственно Монголам, считавшимся в степной иерархии “племенем черного прозвания”, конграты (кит. гуанээла) назывались “племенем белого прозвания” [Тото, 1958, гл. 55, с. 505]. Иначе говоря, они, как отмечал Ван Говэй, не были родственны монголам [Ван Говэй, 1959, т. 3, с. 708].

Между тем конграты вошли и в монгольскую (кийанскую!) генеалогическую традицию как “племя царицы”. Считалось, что из конгратов ветви куралас происходила мифическая Грамматер монголов, восседающая в крытой повозке Алан-Гоа [Козин, 1941, § 6; Рашид ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 1, с. 154–155]. Конгратской (онгыраткой) была Бортег-уджин, супруга Темуцина (Чингизхана). Характерны слова ее отца в эпизоде сватовства:

Мы, унгаряты,

С древних времен знамениты

Красою и знатностью дочерей

От царской жены – унгарята...

К вам на царское место усадим ее.

Брани не ищем мы. Только,

Вырастив славных девиц,

В крытый возок уместим,

Замуж проводим...

[Козин, 1940, § 64].

В том же источнике [§§ 129, 141] приведено имя онгыратского предводителя Терге-эмэл (монг. terge “телега”, тюрк. ämäl “спокойный”). Конграты раннемонгольского времени жили по берегам Халхин-гола, а также “за горами Карабун-чиудун” (“Черная Провозка”) [Козин, 1940, § 176; Рашид ад-Дин, 1965, т. 1, ч. 1, с. 388], или Терге [Ван Говэй, с. 708–709], системы Большого Хингана.

Существовала еще одна отличительная этнографическая черта ранних конгратов. “Рассказывают, – пишет Рашид ад-Дин, – что происхождение их таково: трое сыновей появились из Золотого сосуда (басту-и заррин), слово же это должно быт намеком и указанием..” [Рашид ад-Дин, 1952, с. 160]. В старом персидском языке слово *басту* означает глиняный горшок для масла, а также пахталку для сбивания сливочного масла. Подобное встречается, например, в древнеиндийской мифологии, где сообщается, в частности, что каждый из сотни кауравов, потомков царя Лунной династии Куру, был возвращен в горшке/

сосуде, наполненном топленым маслом [Махабхарата, с. 316–317]. Речь идет о мифологическом сосуде, тождественном телу женщины – подательности жизни, плодородия и многочадия, внутри которого находится ребенок.

Можно реконструировать и главные этапы истории ранних конгратов. Их исторические предки *олку/олкун (кит. улоху, улохунь; впоследствии конграт-олкунут) в пятом столетии и позднее жили непосредственно на юго-востоке от “пещеры предков” древних синьби-Тоба (Гаосянская пещера в долине реки Гань, притока Нонни, на восточных склонах северной части Большого Хинана, Внутренняя Монголия) [Liu Yingsheng, 1989, с. 96]. В начале седьмого столетия они были брачными партнерами древнеуйгурских эльтеберов [Оуян Сю, гл. 217а, с. 1520, л. 1а; Liu Mai-tsai, 1958, с. 351, с. 719]. Возможно, таковым же в системе социально-ранговой иерархии было положение племени конгур в Уйгурском княжестве Ганьчжоу. С 906 г. конграты Внутренней Монголии входили в состав киданьского государства Яо, а после 1125 г. без борьбы приняли сюзеринитет чжурчженского (Джураджит) государства Цзинь, где и получили славу “племени белого прозвания”. С этого времени термин онгърат (кит. ванцзила) входит и в чжурчженскую этнонимику. В отмеченное время они не считались “монголами”; “чужаками” вошли они и в древнемонгольский генеалогический миф. По его варианту в “Джами ат-таварих”, древние конграты не принимали участия в возжигании костров, предназначанных проплавить выход из горной долины Эргенэ-Кон, считавшейся прадиной древних монголов-киянов. Потопив ногами очаги других племен, они “без совета и разрешения” покинули долину. Ценой грандиозных усилий предки монголов выплавили проход в горах и вышли из теснини на простор степи, но грех за то преступление пал конгратам на ноги. С тех пор они стали известны болезнью ног [Рашид ад-Дин, 1952, с. 154]. В этой части монгольский миф целиком повторяет элементарный акт Творения, например, в

индоевропейском основном мифе, где бог Грозы рассекает скалу и, победив таким образом охраняющего выход из пещеры Эмэя или Дракона, выпускает из нее солнечное потомство [Иванов, Топоров, 1974, с. 73–103]. В свою очередь, мифологические “болезнь ног”, “хромота” или “одноногость” героя универсально свидетельствуют о его Эмейной/Драконовой хтонической судьности [Леви-Строс, 1970, с. 157; Лашкин, 1970, с. 181–186]. Такое пояснение здесь необходимо, если учесть, что конграты были традиционно “хатунским” посадом,” монгольских императоров. Символом же Фратрии катун-Царич (например, в тюркском каганате) был Эмей/Дракон как инкарнация божества Вод и Плодородия.

Толкование имени шуйынт (от шуй “чека”) – плод народной этимологии, призванной оправдать причастность племени шуйынг к созданию мифической арбы-телеги Канглы и таким образом идеологически обосновать существование неких особых связей шуйыгтов с кантгы. Каракалпакский термин восходит к Монгольской форме чжуйыт ~ чжуин. В “Сокровенном сказании Монголов” чжуинцы рассматриваются как вассальное племя Монгольских правителей, прежде находившееся в зависимости от “китайского Алтан-хана” (дин. Цзинь, чжурчжени) и “каракитадцев” (дин. Яо, собственно кидани). Обращаясь к своим военачальникам, Чингиз-хан говорит: “Разделите-ка между собою пополам китайских чжуинцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте быть сенными (т. е. находящимися при входе) девулками при женах ваших. Ведь каракитадские чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у китайского Алтан-хана” [Козин, 1940, § 266]. Сообщения о чжуинцах и народе чжуинцев содержатся и в других параграфах данного памятника (§§ 53, 247, 248). Кроме названных, отмечаются и чжуин-татары [Роуша, 1956, с. 65]. По сути, все письменные упоминания чжуинцев известны в “татарском контексте”. Анализируя их, китайский ученый Ван Говэй пришел к важному заключению,

что принятые монголами чжуурченское обозначение чжунин-тагар соответствует күнин-тагар других письменных источников, в частности, “Джами’ ат-таварих” Рашид-ад-Дина [Бан Говэй, т. 3, с. 794–796; Pillot, 1929, с. 128–129, 167].

Күнин-тагары (проф. Чэнь Дэчжи предлагает чтение күйнен-татар [Чэнь Дэчжи, 1958, с. 27]; ср., однако, название рода куйын племени ктай в составе каракалпаков [Жданко, 1960, с. 165]) значится в списке татарских племен в труде Рашид-ад-Дина [Рашид ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 1, с. 164, 165]. Варианты этого этнонима многочисленны, как различны и судьбы отдельных ветвей племени или объединения күнин/куйан.

Представленным обзором далеко не исчерпывается число областей на востоке под названием Канг. В VIII в. было известно тюркское племя кангаз (кит. С5064, 11570, 10406 гээчжи <kâng-a-tsie>), возглавляемое предводителем-эркином. Они входили в состав “трех деревянношапочных” (т. е. пользующихся лыжами) племен тутээе-тюрков¹, их жилища были покрыты берестой, они разводили коней. В китайском тексте все три названия написаны слитно: дубомилгээчжи [Оуян Сю, гл. 2176, с. 1531, л. 116].

Выделение из приведенного сочетания имени С3438, 2890 дубо (<two-ruâ>) и его сопоставление с туба~тува не вызвало сомнения ни у одного из исследователей. Другие иероглифы приведенного сочетания Н. Я. Бичурин прочел: Милигэ, Эчжи [Бичурин, I, с. 354]. Так же воспринимал их прочтение Ф. Хирт, предложивший соответствие Bälig, Atsch [Hirth, 1899, с. 40]. В публикации “Собрания материалов по истории тутээе-тюрков” Цэнь Чжунминь разделил сочетание таким образом: дубо, мили, гээчжи [Цэнь Чжунминь, 1958, с. 732]. Справедливость выделения гээчжи (кангаз) подтверждается текстом “Сокровенного сказания монголов” [Козин, 1940, § 439], где среди “лесных народов” на севере от Монголии названо племя кангас [Роуша, 1956, с. 67, 75]. Термин кангаз/кангас двусоставен: *канг+аз/ас и значит “азы/асы из Канга”, “кангские азы/асы”. О племени асияев в низовых Канга (Сырдарьи) говорилось выше.

Тюргеши и Канг

Первое упоминание термина тюргеши (в сочетании türk türgiš ѹр “туркская и тюргешская страна”) ориентировано на события 629 г. и содержится в уйгурском переводе Жизнеописания китайского буддийского паломника в Индию Сюань-Цзана, составленного монахом Хуэй-ли [Gabain, 1935, с. 159–160; 1949, с. 56–57, прим.].

В 651 г. племя тюргеш-халац (türgiš-halač; кит. туши-хэ-лоши) числилось четвертым в составе пяти племен левого (восточного) крыла Западнотюркского каганата [Лю Сюй, гл. 1946, с. 1446, л. 5а; Оуян Сю, гл. 2156, с. 1506, л. 5б; Chavannes, 1903, с. 34, 60]. Племена левого крыла кочевали к востоку от реки Или. В 657 г., сразу после подавления анпитанского восстания Ару-кагана (кит. Хэлу<ya-lio<*argi; ср. тюрк. ару “чистый”, “истинный”) и, соответственно, падения Западного каганата, танский двор предпринял районирование его земель. Тюргешских племен (кит. бу) [Бичурин, I, с. 292: поколений]

оказалось два. На землях первого племени согэ мохэ было учреждено управление-турукство Балу. На землях второго племени, алиши, было учреждено управление-турукство Чистой/Белой горы Цзэ-шань [Оуян Сю, гл. 215б, с. 1507, л. 7а].

Термин С14369, 7272 согэ (<sâk-kât<saql) не значит “борода”, а является тюркской передачей манихейского имени Сакла (ski'). В манихейском вероучении это имя носит творец Адама и Евы. Слово С8428, 13865 мохэ (<mak-ya<baya) восходит к авестийскому бауа “бог”. Соединение *Сакла-бага значит “Сакла-бог”.

Слово С5042, 4873, 12466 алиши (<â-ji-šie<ariš) – арыши значит “чистый”, “святой”.

Вероятно, оба племени представляли собой двусоставное объединение, названное в сообщении 651 г. халац (halac). Двухплеменной состав халацей-калацей подтверждается согдиянским преданием о Черном царевиче Шу в передаче Махмуда Кашгарского, в котором на сборы в дальний поход яляются два человека с ношней на спине из числа халацей [МКМ, III, с. 422].

Реликты этого состояния сохранились в мифологизованных преданиях персидской версии “Огуз-наме”, известной также по немецкому и русскому переводам [Jahn, 1969; Шукрова, 1987]. Напрямую здесь не упомянуты ни tûrgîsh, ни halac/qalač.

Представлена лишь “монгольская” этимология названия категории пожилых людей калсан-ку (ср. др.-турк. qal “старик”) [Шукрова, 1987, с. 32]. Другие этимологии термина калац исходят из двухэлементного состава слова (кал+ац) и по-разному толкуются: “оставайся” (от qal- “оставаться”; “оставайся голодным”, ас “голодный”); “останься и открой” (глагол ас-“открывать”) [Кононов, 1958, с. 46, 89; Minorsky, 1937, с. 286, 346–348]. В действительности халацкое слово халац/калац восходит к ала, алач, алача “пестрый”, “пестросоставный” (см. выше). Прототипический согласный h-(>q-) в начале слова в древнетюркское время был свойственен многим тюркским

языкам, но прежде всего халацскому [Pöppre, 1983, с. 112–120]. В привлекаемой версии “Огуз-наме” местожительством сословия “стариков” была местность Ак-кая (“Белая/Чистая скала”).

“Ак-кая, – говорится в тексте, – по-персидски значит проход белой (сефид) горы близ Алмалыка” [Шукрова, 1987, с. 32]. В китайском источнике местожительством лишь одного из двух халацких племен, арыши названа гора (или горы) С14379 Цзэ “Чистый” [есть варианты, Маявкин, 1989, с. 164].

Понятия “белый” и “чистый” имеют концептуально важное значение в учении Света, как называлось вероучение Мани. В самом конце VII в. становится известным имя ставшего каганом тюркского предводителя С7696, 13905, 8068 Учжилэ/Юйчжилэ (<uo/iwo-tšet-lák), иначе С7696, 3270, 8068 Ушэлэ/Юйшэлэ (<uo/iwo-žiet-lák). Имеющиеся реконструкции в форме Уччиг и Уч-элиг (первая принадлежит пишущему эти строки, а вторая С. Г. Кляшторному) возможны, но неверны. ГЛАРАГРАФ о племени С6836, 12026 шато в “Общем описании” начинается словами: “Шато – это предводители тюркшей из североазиатских иноземцев” [Чжэн Цзяо, гл. 29, л. 13а].

Транскрипция шато (<sá-d`a) восходит к исходному šada тюрко-манихейских текстов из Турфана [Haneda, 1932, с. 3] и древнеиндийскому šada (ср. авест. sata) “сотня”. Царствующей фамилией западнотюркского изначально манихейского (см. раздел II) племени чигилей (<çp.-перс. čhil “сорок”) была Шато (~Šada “Сотня”), основавшая в Северном Китае государство Хой-Ган (923–936 гг.) и принявшая китайскую фамилию Ли. Его прославленный основатель Ли Кэон происходил также из племени Дракон [Маявкин, 1974, с. 100; Ли Фан, гл. 425, с. 3458–3459]. У тюрков-шато кульп дракона был преимущественным. В летописи отмечены даже шатоские моления “старыми службами по обычая Севера” у Гром-горы, у Брат дракона [Се Цзюйчжэн, гл. 32, с. 225, л. 46]. В енисейских памятниках древнетюркской письменности, часть которых определено отражает государственный статус

манихейства у кыргызов, само государство иногда называло “страной богов”, т. е. *раст* (*tängri el*), для которой характерно присутствие консорции “ста мужей-послушников” (*jüz er*). Во втором памятнике (по прочтению С. Е. Малова) вместо *jüz er* она обозначена *şada er* и сопровождена эпитетом-именем *ulung*, восходящим к китайскому С12272 лун (*long*-*ljoong*) “дракон”, “Я отделился от божественного эля, от драконовой сотни мужей-послушников” – *tüngri el ulung şada erimke adilidim* [Малов, 1952, с. 37; Е, 14, стк. 3]. Зарегистрирован и тюркский эквивалент последнего. Во “Всеобщем зеркале” говорится: “Шаго – это в действительности (или по корню изначально: кит. бэнъ) племя чжусе” [Сыма Гуан, гл. 223, с. 7169]. Транскрипция С9188, 3538 чжусе (<*t̄ s̄iu-zia*) отражает тюркское *jüz*-*jüz* “сотня”. Чигили-шато были манихейами (см. ниже), и “сотня” – это далеко не всегда воинская дружина-сотня, как я думал ранее [Эзев, 1998], но и религиозная категория *jüz er* “сто мужей-послушников”, как о том говорится, например, в ряде манихейских по содержанию енисейских памятников древнетюркской письменности. При этом *jüz er*, в отличие от *otuz oulan* или *otuz eg*, – категория господствующего уровня. Сказанное побуждает соответственным образом отнести к означенным транскрипциям и толкованиям имени тюркского кагана и читать его Йузлик (~*jüzlik*) “Обладающий сотней мужей-послушников”. На прежнее бытование института *йузлик* (~*jüzlik*) у отгузов указывает глухое упоминание о них в “Родословной туркмен” [Коннов, 1958, с. 52, 94, стк. 565].

Первые два иероглифа (С7696, 3270) транскрипции Учжилэ/Юйчилэ имеют значение “черная судьба”, “черное свойство”. Это неслучайно. “Черная судьба” исторического тюркского Йузлика сближает его с образом эпического “Черного/Бороного жеребца” (или “Черного мужа”) Сьяваршаны/Сиавуша “Авесты” и “Шахнаме”, оказавшегося в Кане с сотней высокородных юношей и “Черного царевича” Шу (Шав) с дружиной-сорок юношей на правом берегу Ходжен-

тской реки (Сырдарьи в область Ходжента), т. е. в Кане по согдо-тюркеской реализации этого мифа в передаче Махмуда Кашиарского [Эзев, 1998, с. 71-77]. Черный цвет этого мифа следует понимать как указание на хтоничность, земное происхождение образа, в котором персонифицировалось божество умирающей и возрождающейся природы. В манихействе все земное и материальное (в том числе область смешения Света и Тьмы, Истинны и Лжи, к которой относится человек) порождено миром Мрака (турк. Кара). Царем этого мира является Дракон. Тюргешский Йузлик происходил из племени сакал-бага, разместившегося в округе, обозначенном иероглифами С1069, 11888, и сначала был его военноуправляющим-тугуком. Первый иероглиф этого сочетания С1069 звучал двояко: *у* (<*uet*) и *ва* (<*uat*) [см. Кан-си Җыдынъ, 1958, с. 131]. Второй иероглиф С11888 *лу* (<*luo*) значит “императорская власть”, “трон”. Двоеко и звучание: *улу* (<*uet-luo*-**ulu*) и *валу* (<*uat-luo*-**walu*). Фактическое падение западнотюркской государственности следует отнести ко времени подавления антитанского выступления Хэлу-кагана и установления танского “протектората” в Западном крае в 656–658 гг. Приняв сторону Тан, последующие западнотюркские каганы в большинстве случаев лишь номинально являлись таковыми, но доступа на территорию формально подвластных им племен не имели. Изыскавая средства для восстановления своих позиций на большей части Торгового пути, танский двор предпринял обманnyй ход. В 679 г. в Семиречье под видом дипломатического посольства, направляющегося в Персию, оказался танский стряп во главе с Гэй Синцзянем. В составе этой миссии находился якобы наследник персидского престола. По его прибытии в Суйаб, явившиеся с визитом по случаю предстоящей интронизации персидского принца предводители десяти племен во главе с каганом Тугчи были схвачены карателями. “С той поры, – говорится в летописи, – западные фамилии совсем ослабели, а в последующем люди обеих частей (т. е. дулу и нушиби) с каждым днем стали еще

больше отделяться и рассеиваться". В эти-то годы и заявляет о себе новая военно-политическая сила в Семиречье под началом Нэзук-иркина и Чыкан-улуга (Чжихань-хулу), тюргеша, поставившая цель изгнание танского наместника в Суйбэ и созданию нового каганата. Номинальный глава западного крыла (он-шадальт) *Боришад, имевший каганское имя Хусэло (ср. ир. Хусрау), ушел с политической сцены незаметно, он был каганом, имел танский титул "главнокомандующий армией по умиротворению Запада", но "не смел" и помышлять о своем возвращении в Семиречье, где уже безраздельно господствовали отряды этой силы. Мэнческий наместник Хусэло собрал 60–70 тысяч оставшегося народа и ушел в танские земли [Сыма Гуан, гл. 200; Ду Ю, гл. 199; Нанто, 1987, с. 307–309].

Ставкой-ордой этой части торгешей был город по берегу реки Или С7968, 5845 Гуньюэ (*<kiwong-ngiawt<*küngüt*) Кунгут, отождествляемый с более поздним Кульджа [Нанто, 1987, с. 69–72, 265, 271; Цэнь Чжунмянь, 1958, с. 191; Алмалык; Малявкин, 1989, с. 310]. В XI в. Махмуд Кашигарский также знал местность ~~ქ~~ Küngüt в этом районе и даже посещал ее [МКМ, I, с. 159; III, с. 149]. Он привел два варианта звучания этого слова – *küngüt* и ~~ქ~~ *kengüt*, совпадающие с отмеченными выше вариантами названия страны Канг – *küngü*, *kängü* с согдийским оформлением множественного числа -t.

Приведем некоторые свидетельства из истории Кунгута. В 651 г. область (?) Гуньюэ упоминается в связи с антигтанским выступлением западноторкского Ару-кагана [Лю Сюй, гл. 4, с. 40, л. 3а]. В 662 г. (племя?) гуньюэ в союзе с тибетцами противостоят танскому войску на юге от Кашиара [Ван Цинъжо, гл. 449, с. 5324, л. 106]. В следующем году (область?) Гуньюэ подвергается нападению походного войска аньсийского наместника Гао Сяя [Оуян Сю, гл. 3, с. 33, л. 66]. В 665 г. государство (го) Сула (Кашгар) и Гуньюэ вместе с тибетцами вторгаются в Хотан [Ван Цинъжо, гл. 995, с. 11687, л. 156]. В 673 г. владетели (ван) государств Гуньюэ и Сула обращаются

с просьбой о подданстве [Лю Сюй, гл. 5, с. 47, л. 5б]. В последующие годы отряды из Гуньюэ, Тибета и племени емнь покоряют Сула, но под угрозой танского вторжения "приходят ко двору" [Сыма Гуан, гл. 202; Цэнь Чжунмянь, 1958, с. 186]. Отмечаются активные экономические связи Гуньюэ с государством Куча [Синьцзян, 1983, с. 333–334]. В 699 г. появляется известие о том, что город Гуньюэ стал малой ставкой-ордой торгешского Йузэлик-кагана.

О докаганском периоде жизни Йузэлика известно лишь то, что он был бага-тарканом в "государстве" марийеточного кагана правого крыла Хусрау (Хусэло). В 699 г. он удостоился звания "главнокомандующий армией по умиротворению Запада" [Оуян Сю, гл. 215б, с. 1508, л. 8а]. Легописный вариант этого звания отличается от канделлярского, который, видимо, отражен в тексте "Изначальной черепахи", как отметил А. Г. Малявкин, задача армии здесь изложена конкретно: "умерение и умиротворение Суйба" [Ван Цинъжо, гл. 964, с. 11341, л. 106]. "В это время Хусэло уже не смел возвратиться (в Суйб); шестьдесятъ семьдесятъ тысячами своих согламенников он переселился на танские земли. Он умер в Чанъани". Продцитируем рассказ о Йузэлике из Новой редакции "Истории династии Тан": "Торгешский Йузэлик [был и предводителем] отдельного племени западных тюрков. С того времени, когда были разгромлены и унижен Ару- (каган), каганы двух групп (т. е. долу и ну-шиби) прежде всего поступали на императорскую службу, и у варваров не было (истинных) государей. Йузэлик зависел от Хусэло, он был [его] бага-тарканом. Правление Хусэло было жестоким, и народ неизлюбил его. Йузэлик же, наоборот, сумел успокоить своих подданных. Он пользовался их уважением и доверием; все варвары подчинились и примкнули к нему; постепенно их кочевья умножились. И тогда он учредил должности двадцати управляющих-туруков (дуду); у каждого турука было семь тысяч воинов. Он собирал силы на северо-западе от Суйба. Мало-ломалу

(Астман), Чжан Цянь не знал, что главной областью их пребывания непосредственно перед началом “бактрийского штурма” был Канцзай в бассейне Сырдарьи. Завоевателями Бактрии Страбон считал племена асиев или асианов, тохаров и сакарауков или “белых саков”, спустившихся с Яксарта. Через три столетия после “штурма” в “Географии” (VI, II, 6) Гиполемей упомянуты тохары и яти/аси, живущие на Яксарте. Б. И. Вайнберг пишет: “У Птолемея на средней Сырдарье, вблизи слияния ее истоков (ниже по течению) отмечен народ “тохары”. Можно предположить, что в разгроме Гиреко-Бактрии принимала участие только часть тохар, а значительная их группа осталась недалеко от традиционных мест расселения – в Притяньшане, вблизи Яксарта и у границ Согда, а возможно, и на его территории” [Вайнберг, 1999, с. 255].

Существовал еще один путь юэчжийской миграции через Канцзай, это путь в страну Яньцзай, простиравшуюся от Приаралья до Северного Кавказа (см. выше § Яньцзай). На смену отмеченному Моисеем Хоренским племени аши/ас-тигор здесь приходит дужас ($\langle * \rangle$ дух+ас). В известном сейчас лишь по извлечениям в сочинении Ибн Русте упомянутом труде арабского писателя ал-Джейхани в известии, восходящему к 870 г., сообщалось, что над четырьмя аланскими племенами царствуют дужасы [Караулов, 1971, с. 51; Czeglédi, 1983, с. 51–52]. Дело не в исчезновении тигоров ($\sim$ тохаров) с этнической карты этого региона: тигоры и по сей час существуют среди западных осетин-аланов [Maechen-Helfen, 1945, с. 80], племя дюгер в средние века было одним из значительных в составе огузов-туркмен [Рашид ад-Дин, 1965, с. 120], а Аральское море в сравнительно недалекие времена продолжало именоваться Даукара – “Тохарским” [Голстов, 1950, с. 49–50]. Еще при составлении ассирийской надписи Синнахерибу (681 г. до н. э.) были использован фонетический вариант термина тохар – tuhusu [Умникив, 1946, с. 311], который и отражен в архаическом духс/тухс. Следовательно, духс-асы – это те же самые ас-тигоры с перстановкой слагаемых элементов.

Се Цзунчжэн полагает, что прежняя ставка Йүэлика находилась в Гуньюэ на реке Или [Се Цзунчжэн, 1992, с. 642–643], хотя указание “на северо-западе от Суйаба (города или долины реки Чу?)” ориентирует на область присырдаринского или приталасского Канга (в отличие от приилийского). Возможно, объявление Кунгута Малой ставкой было продиктовано идеей “панканзима”. В качестве таковой Кунгут назван один раз, зато известно, что “младшие братья” тюркеских династов правили в Таласе. Согласно сведению, приводимым в труде ал-Идриси, резидент племени правителя народа азишей (~аз киши “аэские люди”, азы) была крепость Ика в долине реки Или [Агаджанов, 1969, с. 63]. Но при анализе известий Больших рунических надписей Монголии выясняется, что азы были кара-тюркесами из Таласской долины. В ведении таласского правителя был город каганского племянника по линии матери Йигян-кент, в котором находилась манихейская обитель и который вместе с тем был посадом вдовствующих и действующих тюркеских катун-цариц. Поэтому не исключается, что действительной Малой ставкой тюркеских каганов был Талас, известия о котором восходят к рубежу эр.

В труде “Армянская география” Моисей Хоренский (VII в.) рядом с албанами упоминает племя аштигор (<*аш/ас+тигор/токар) [Платканов, 1883, с. 30; Marquart, 1903, с. 169–171]. Этот двусоставный этноним является поздним вариантом рассмотренных в начале первого раздела биномов оттоносога, аттасог и других, т. е. юэчжи китайских источников. Отметив существование племен сэ (сак) и юэчжи (аси и тохар) в стране Усунь

О происхождении основателей тюргешского каганата в письменных источниках не сказано ни слова. Об этом можно говорить, опираясь только на косвенные данные, которые есть таки имеются. Для части уникальных по степени аутентичности сообщений о тюрках персидский автор Гардизи, как говорилось выше, использовал существовавший в его время труд пионера арабской исторической прозы Ибн Мукаффы. Исторические известия в этом труде в значительной своей части были помещены из персидских записей и сказаний.

Персидские тексты уничтожались и были забыты уже в первые века господства ислама как содержащие зороастрийскую ересь.

Фирдоуси писал:

Преданий неведомых

Я не найду:

Глоды все обобраны

В этом саду.

[Фирдоуси, 1965].

В конце главы XVII сочинения “Зайн ал-ахбар” Гардизи сообщает, что тюргеши состоят из двух племен: ازیان و مسیان [Бартольд, 1973, с. 41]. В последующие после первой публикации этого текста (1897) годы, в связи с открытиями и прочтением древнетюркских рунических надписей, обнаружением и введением в обиход научного исследования рукописей “Худуд ал-алам” (“Границы мира”) неизвестного автора, “Диван лугат ат-турк” (“Словарь тюркских языков”) Махмуда Кашгарского и других, их действительное чтение прояснилось: тухсийцы и азицы, тухси и ази. При этом азицы обитали между Суйабом и Узектом [Martinez, 1982, с. 143].

Вернемся к изменению последовательности этнонимов внутри биномов. В написаниях атасог, аштигор этнонимы ат, аш/ас стоят на первом месте. Эта традиция восходит к ганьсуйскому периоду, когда племя лунных и гинекократических юэжи (уги/ати/аси) было господствующим и инкорпорировало в свой состав племя

тохар. Эта ситуация вполне соотносима со словами Помпея Трога в “Прологе”: “асианы цари тохаров” (*reges Thosatogum Asiani*). Со временем соотношение значимости женской и мужской фракций меняется в пользу мужской, которая и становится главенствующей. Вероятно, усиление мужской (?) тохарской фракции немало способствовало привлечение архаического названия дух/тухс/тухси (ср. *tuhusu*), имевшего к тому времени двухтысячелетнюю историю. Это изменение произошло на берегах Сырдарьи. Носители этих этнонимов имели богатую общую предшествующую историю. Но на Северном Кавказе они говорили на восточно-иранском языке, а в Канге – по-туркски. В XI в. Махмуд Кашгарский, которого смело можно назвать основателем науки сравнительного языкознания, от лица группы тюркоязычных племен, имеющих или имевших прежде свой собственный язык, от группы племен с чистым тюркским языком. В эту вторую группу входили и тухси [МКМ, I, с. 66].

В 576 г. к тюркам прибыло византийское посольство во главе с Валентином. Историк Менандр пишет, что византийские послы “достигли того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей турских.. По прибытии к Турксанфу, который приезжало им в ту сторону попадается на встречу прежде других князей. Валентин был ему представлен” [Менандр, 1861, с. 418]. Искаженное имя Турксанф соответствует *Туссан* (см. раздел II). Он назван сыном Дизабула (Сир-йабгуна) и братом Тарду. Упоминание терминов родства по отношению к историческим личностям можно воспринять и в смысле политической стратификации.

Первые монеты тюргешских каганов выпускались в 700–715 гг. с легендой *буу токъюш үйн рю* “Божественного (или господина) тюргешского каганата деньги”, без указания племенной (тухской) принадлежности владетеля. В 716 г. тюргешский (тухский) трон был узурпирован азом из числа кара-тюргешей Сюлюком, который выпустил монету подчеркнуто тухскую: на лицевой стороне *буу токъюш үйн рю* “Божественного тюргешского

(или господина) кагана деньга”, а на оборотной – түркүш үйрөн – “государь тухусский” [Смирнова, 1981, с. 59–61, 397–410].

Карлукское “овладение” Семиречьем в 766 г. лишило племя тухс/тухси каганской привилегии, но их лидирующее положение (в том числе и по отношению к казам) сохранилось. Описанию области Тухс отведен отдел в “Худуд ал-алам”.

“К востоку от нее, – говорится в этом источнике, – пределы чигилей, на юге – халлухи (карлуки) и их гористые пристанища, на западе – часть хиризов (кыргызов), на севере от нее – чилии. Эта область на много приятней чильской. Их богатства

в лошадях, овцах, палатах и разных мехах. Зимой и летом они
косят по пастбищам, полям и лугам. *Лэзина* (?) и *Фархийа*
(?) – два племени (кавм) тужсов, каждое из которых владеет
небольшой территорией; и имеют два селения, названных по
именам этих племен. *Суйаб* – большое селение, выставляемое
20 тысяч воинов. *Быглил* – большое селение, по-согдийский
называемое С.М.кна. Его джан **Ильнэл* бег-тегин. Он выходит
с 3 тысячами воинов. Уркаг расположена между двумя селениями
тужсов. В нем живет мало людей, но это место приятное, а его
жители богаты [Minorsky, 1937, с. 99].

Комментируя данный параграф, В.Д. Минорский отметил, что термин түхс впервые (?) упоминается в одном из согдийских “старых писем” в форме Тхъүч (*Tukisich), в котором окончаний -ич или -ч является иранским суффиксом происхождения. Түхсы этого текста жили, главным образом, на северном берегу реки Чу и на восточных склонах горы, являющейся водоразделом бассейнов рек Чу и Или. Персидский текст является переводом с арабского, и это отразилось в написании слова لازه مازينا, которое в оригинальном тексте писалось الازه ал-азинъ, т. е. аз. Азы сочинения “Худуд ал-алам” — это азы древнетюркских надписей и мусульманских писателей [Minorsky, 1937, с. 300–302]. Ибн Хордадбех в перечне тюркских народов упоминает племя азыи (<*аз + киши “аэзские люди”, “люди азов”) между тюргешами и кыпчаками [Велиханова, 1986, с. 66]. Махмуд

Кашгарский сообщает о их местонахождении в Узкенде [МКМ, I, с. 122]. Согласно ал-Идриси, резиденцией азгишай был город Ика, расположенный в долине реки Или [Агаджанов, 1969, с. 65]. Персонифицированный этноним *ас* (в форме асула: *ас + упа/оба “племя”*) отражен в русской летописи. Под 1103 г. сообщается: “...и оубша ту полуку князя 20: Оурсобу, Кчия, Арьсланапу, Киганоту, Кумана, Асула...” [Ильинская летопись, 1962, с. 279]. Термин *ас* широко представлен в современной тюркской этнонимике [Потапов, 1969, с. 160–168; Кузев, 1973, с. 228–230, 232, 466].

писателей о племени тухси и о термине *оба* в значении “племя”. Реальным прототипом летописного токсоба он считал тухси+оба (~токс+оба) в значении “племя токсус” [Zajaczkowski, 1949, с. 41]. По мнению российского ученого Н. А. Басакова, он соответствует токсус+оба “девять родов” [Басаков, 1984, с. 74]. Отвергая реконструкции, основанные на числительном токсус “девять”, американский исследователь П. Б. Голден считает возможным связать это слово с назвианием племени тюргешского происхождения тухс/тухси, их правицим (“царским”) родом был шаруканъ “дракон” [Golden, 1979–1980, с. 306–307].

Выше уже отмечалось, что символом тюргешских тухсов в период правления Иуэлика и Сакала был дракон Улу, берущий начало в юэчжийской древности. Тамга токсбичей или их правящего рода неизвестна. Тамга тухсских монет или [Смирнова, 1981, с. 60, рис. 35: 1, 2], тождественная тамге элизов VII в. и сходная с тамгой тюргеш-аптаков [Van Гу, гл. 72, с. 1306; Зуев, 1960, с. 132], обнаруживает прямую параллель в тамговых изображениях трех- и четырехглавого дракона Адждахака   на монетах юэчжи-кушанских царей (ср. рис. 5 вкл.) [Акишев, 1984, с. 109]. “Шаруканев град”, половцев-токсбичей носил также название Змiev и Чешуев [Ахинжанов, 1989, с. 133–134].

Мусульманские писатели Ибн Халдун и Абу Хайан считали племя тухс-оба/токс-оба кыпчакским [Golden, 1979–1980, с. 306–307; Çafetoğlu, 1931, с. 106; Marquart, 1914, с. 157; Тизенгаузен, 1884, с. 540–542]. Гамият о токсоба до недавнего времени сохранилась в виде эпонима Токсоба башкирских родословий [Кузеев, 1973, с. 120–121] и в ономастике сибирских татар [Тумашева, 1987, с. 46]. Казахи сохранили даже сам этноним. Отделение рода байбаксы в казахском Малом жузе называется токсоба [Востров, Муканов, 1968, с. 94–95].

Особенность приилийского Канга заключена в том, что он был непосредственной частью присырдарьинского. В средние века река Сырдарья называлась Сейхун. Китайской транскрип-

цией этого слова было С14585, 4324 Сыхунь (< si-xue) [Цэн Чжунмянь, 1958, с. 184]. Как сообщается в дорожнике, город Гуньюэ (Кунгут) также находился в долине реки Сейхун (Сыхунь), владающей в Или: “...переиляя Тележную гору (перевал Талки), приходит в город Гуньюэ (Кунгут) и передвигаются через долину реки Сыхунь (Сейхун) и /проходит/ город Чжиши-ли (поселение Джебшид – лит.), /тогда/ переправляются через реку Или” [Оуян Сю, гл. 40, с. 281, л. 116; Chavannes, 1913, с. 13]. Одним из вариантов звучания транскрипции юэчжи был ѿти/ѿаси, совпадающий с древнеиндийским jati “[луна]-отшельник”. Это слово отложилось в названиях местностей в долине рек Или и Сырдарьи. Ясы – название высокогорного плато под Тургенем Алматинской области; там находится филиал астрофизической обсерватории. Но Ясы – это и прежнее название Туркестана.

Прямые потомки юэчжи, племена аз и тухс, эти “юэчжи в Канге”, стали этнополитической основой при создании Тюргешского каганата. Как полагал В. Котвич, термин тюргес состоит из основы түрк и аффикса подобия -еş и значит “подобный тюрку”, “со-турк”. Он совершенно аналогичен нарицательному термину туркмен (türk + согдийский аффикс подобия -түп, -тен) [Kotwicz, 1949; см. возражение: Аманжолов, 1999, с. 120–122]. Туркменами обозначали тюркские племена нептуркской династической мифологической системы (например, уйгуров, карлуков, калачей и целый ряд других); лишь позднее это слово приобрело значение конкретного этнонима. Отрещать участие согдийцев во многих процессах историко-культурного свойства на территории Центральной Азии нельзя.

Согдак, Кюнгю, Тарбан

В политico-географическом смысле средневековый Согд – это страна в долинах Зеравшана и Кашикадары. К VII–VIII вв. по языковому признаку согдийскими считались владения среднеазиатского Междуречья: Бухарский оазис (кит. Ань), Устру-

шана (кит. 荆), Кеш (кит. 齐), Чач с Илеком (кит. 齐-勒), Маймург (кит. 马) и Самаркандинский Согд (кит. 阿史那). Согдийский язык был широко распространён в Чаче (совр. Ташкент) и в городах Семиречья. Согд находился на скрещении главных дорог торгового пути Восток – Запад, соединяющего Средиземноморье с Тихоокеанским побережьем, и согдо-иранцы были главными функционерами на всем его протяжении. В глубинах Евразии и в странах Дальнего Востока о Согде узнавали со слов торговых согдийцев, многочисленные колонии и города-государства которых были густо рассеяны на всех ветвях торгового пути, как бы в каждом отдельном случае он ни назывался – Скифским, Целковым, Соболевым, Стекловым или как-нибудь еще [см. например: Акишев, 1999]. Китайским общим обозначением согдо-иранцев в VI–IX вв. было С5848 ху. Согдийские (ху) колонии отмечены в Забайкалье [Гохман, 1968], на Амуре [Ван Линъю, гл. 972, с. 11421, л. 136], в Приморье [Шавкунов, 1985] и т. д. Согдийская торговая колонизация Евразии и застенного Китая началась в IV–III вв. до н. э. К этому времени относятся первые согдийские заимствования в китайском языке [Henning, 1948, с. 606; 1965, с. 46].

В одном из древнейших согдийских документов (письмо № 2 из комплекта “Старых писем”), датированном 197 г., даётся яркая картина широкого торгового освоения ханьского Китая согдийцами. Их торговые колонии находились в каждом значительном городе от Лояна (согд. ស្រី) и Чанъань (согд. ឆាន់ពេណ៌) до Цююань (согд. សោស្បុ, *Čīṣān) [Harmatta, 1972, с. 152–165]. Некогда область Цююань (совр. уезд Цююань в пров. Ганьсу, КНР) входила в состав центральных земель объединения юэчжи. Во втором столетии до н. э. она была захвачена

лонгшу. В 104 г. до н. э. здесь был учрежден округ Цююань [Малыкин, 1981, с. 155]. Это был важный пункт на торговом пути со значительным согдийским населением [Сян Да, 1957, с. 17, 31]. Большую его часть составляли выходцы из Бухары (кит. 安). Через одного из них, согдийца бухарского

происхождения по имени Нахбанд (кит. 那罕那陀) [Harmatta, 1972а, с. 273], ставшего доверенным лицом при ставке/ордере основателя Первого тюркского каганата Тумэнэ (турк. Бумын), китайцы получили первые достоверные известия о тюрках (согд. төркүт) [Мори, 1967, с. 69–70]. В последующем торговые согдийцы неизменно занимали важные ордынские посты и играли немалую политическую роль. Главы согдийских колоний на территории каганата получали статус ильтеберов [Там же, с. 71–89]. Ильтебер (эльтебер, эльтубер) – это должность и звание назначенного каганом правителя большого подчиненного племени [Golden, 1972, с. 49–50]. Нижеследующие строки посвящены выяснению положения согдийских консорций в центрально-азиатской среде и его отражению в текстах древнетюркских рунических памятников.

В каганате происходил процесс тюркизации согдийской диаспоры. В результате смешанных браков согдийцы иногда получали доступ в высшие сферы власти и даже приобретали аристократическую (каганскую) фамилию Ашина (по племенной принадлежности отца).

Как отметил М. Мори, один из согдийцев носил титул тетин (принц), т. е. был или считался сыном или младшим братом кагана [Мори, 1967, с. 86]. Другой ашинец сын Торуг-шада и родственник могущественного Иль-Кагана (Сели), пользовался любовью и уважением в народе и в верхах, но не мог обладать наследственным титулом шад, потому что лицом был вылитый согдиец. Он был талантлив и “умел хорошо гадать”, что впоследствии, когда он все-таки стал “каганом тюрков и согдийцев” на юге от пустыни Гоби, нашло отражение в его титуле Ильби-незук-эльтебер [Лю Сюй, гл. 194а, с. 1439, л. 7а–8б]. Примеров подобного свойства немало. Из них следует заключение о постепенном проникновении и их частичной натурализации в местной среде. Подобное уже отмечалось в науке [Оранский, 1963, с. 83–84].

Зачастую согдийские колонии вне Согда назывались Сули/Сулик (из согд. соубук “согдийский”) и Согдак (из согд. согд`к)